

Алесь

Карлюкевич

ВСТРЕЧНЫЕ ТЕЧЕНИЯ

*Борис Заборов и Наум Кислик –
художник и поэт одной книги*

Библиофильский этюд

Борис Заборов – художник всемирно известный. Это его работу можно увидеть во флорентийской галерее Уффици. Он удостоен статуса академика Флорентийской академии изящных искусств. Произведений других белорусских мастеров живописи в Уффици не найти.

В руках у меня старая, в букинистическом отделе приобретенная книга Наума Кислика «Сентябрьская РЕКА». Из минской «Мастацкай літаратуры», 1978 года издания.

Течет сентябрь – прозрачная река,
неторопко – еще деньки в запасе,
и августа горячая рука
ведет его запястье.
И жар, и холод – словно две руки,
готовые прервать рукопожатье.
И зрелый свет, и падымок на жатве
плывут полями, словно две реки.
Я вспомнил вдруг, что в сентябре родился...

Редактор сборника – Иван Колесник. Художник книги, тираж которой составил 9000 экземпляров (вот бы сейчас так поэзию издавать!), Борис Заборов. Его и в Минске, и в Москве знали как хорошего, запоминающегося книжного графика. Да не только в Советском Союзе знали... Но художник желал большего. За желаниями, за новыми устремлениями и отправился в «творческую эмиграцию». В Париже за сорок с небольшим лет (уехал из Минска в 1980 году; умер в нынешнем, 2021 года, январе) вырос в большого, яркого, всемирно известного живописца. В оригинального, ни на кого не похожего мастера.

А книг в Союзе он оформил множество. И каждая из них, стоит один раз взглянуть на обложку, запоминается как настоящая «заборовская». Я даже эксперимент провел за несколько «сезонов», за несколько походов в букини-

стический отдел. Сначала рука тянется к книге, которую мысленно «угадал» как книгу, оформленную именно Заборовым. Книга в руках. Начинаю сразу открывать выходные данные: Заборов!.. Такое угадывание и наслаждение приносит, удовольствие особое приносит и подтверждает убеждение: иллюстрации носят исключительно оригинальный характер, свидетельствуют о характерном почерке художника.

Принципы творческого мировоззрения Борис Заборов изложит несколько позже в книге, которая станет своеобразным его завещанием, его глубокой оценкой не только своего места в искусстве, но и самого искусства тоже. «Своим творчеством я не устремлен назад, как неправильно думают некоторые, тем более я не футурист. Я не стремлюсь в будущее. Моя цель скромнее – уравновесить эти два устремления, сохранить их преемственную традиционную связь. Собственно говоря, подобная «декларация» была бы непонятна, а то и абсурдна до второй половины XX столетия, ибо то, о чем говорю, было естественной эстафетой прошедших тысячелетий. Но сегодня она актуальна. Я хочу этими словами подчеркнуть свою решительную оппозицию современной художественной ситуации, выраженной в фетишизованном детерминированном разрыве с изобразительной традицией. Я вполне отдаю себе отчет, что такая позиция духовно делает меня чуждым культуре мира, в котором искусство превратилось в специфический бизнес, «украшение» быта, «игру в бисер», и, наконец, в безграничное поле для прогулок проходимцев. Слова П. А. Вяземского: “...Границы настоящего должны не только выдвигаться вперед, но и отодвигаться назад. Душе тесно в одном настоящем: ей нужно надеяться и припоминать” нашли во мне абсолютное сочувствие».

...У «Сентябрьской РЕКИ» от Заборова – обложка (рисунок – лошадиная голова, устремленная кверху, передние ноги с подковами. Два цвета помогают в сражении, лошадином беге – черный и желтый), портрет поэта, автора на фронтиспise, два шмуцтитла, предваряющие разделы: стихотворений и поэм. Как будто и немного. Но присутствие художника ощутимо, заставляет «читать» его рисунки следом за открытиями стихотворений Наума Кислика. И «Первого немца» – тоже.

Он на меня из-за угла
попер –
    бандюга ли, бедняга?
Еще в ту пору до рейхстага
дорога в полвойны была.

Ивановка.
    Дворов полста.
И ни души живых Иванов.
Золой засеяна... Пуста...
Торчит бурьян, от жара свянув.

Быть может, хвощ, а может, хлыщ,
он вырос поперек дороги.
Как будяки болтались ноги
в раструбах низких голенищ.

Был пригнан ловко кителек
и к животу притиснут «шмайсер»...
Поди по масти догадайся –
голодный волк или телок?

Заклятый враг
или дурак,
Звереныш или недомерок?
А впрочем,
там не до проверок,
и мыслил я тогда не так...

Рисунок, открывающий первый – стихотворный – раздел, знакомит типично «заборовскими» штрихами, «заборовскими» линиями с лириком, не боящимся открыться до самых глубинных глубин, знакомит с лириком, прошедшим войну.

Вы знаете ли, дети,
чему она равна?
Была война на свете,
война –
война –
война...

В книге «Сентябрьская РЕКА» впечатляет и шрифт. Выбивающиеся из привычных представлений «я», «б», «к», «Сентябрьская» – обычным, «РЕКА» – все буквы заглавные. И ровные имя и фамилия автора – размером меньше «РЕКИ» в два раза, где только «У» нарушает авторскую строку. Всё это – с подчеркиваниями. Линейки будто впиваются в название, авторство...

В «Сентябрьской РЕКЕ» часть книги – «Повесть про деда, бабу, золотую рыбку и картину знаменитого художника».

В мастерской старичка живописца,
известного в городе в давние годы,
пылилась работа –
из ранних –
ученика его,
знаемого всесветно.
В боковушке темной...
Чудная картина,
из тех,
о коих иные твердят,
что так не бывает
реальней природы...

И в самом деле «повесть»... О временах и художниках, о тайнах, которые только во время перемен и могут рождаться. А перемены те подобны взрывам, выстрелам в упор, подобны тревогам, разрывающим сознание.

Не буду пересказывать поэму Наума Кислика, которая в моих глазах возвышает поэта, делает его современником великих поэтов из разных времен. Современником Александра Блока и Александра Твардовского, Шандора Петефи и Байрона, Николая Гумилева и Николая Минского. Читаю поэму или «повесть» Наума Кислика – и слышу шаги из «Двенадцати» Блока, слышу, как революционно шагают герои Маяковского, Тихонова, Александра Прокофьева.

Но все равно Наум Кислик остается Кисликом, поэтом, заглянувшим в начало «века-волкодава» с высоты шестидесятых-семидесятых.

С грохотом рухнула балка.

Брызнули искры.

И – полотно догорело.

Только краски остались.

Впрочем,

некто,

искусствовед в модном костюме,

солидный и сведущий,

категорически утверждает,

что картины и не было вовсе,

и что разговоры о том,

что ее сожгли,

а тем более,

что украли –

выдумка чуждых искусству людей.

однако другой, что не менее сведущ,

с немалым основаньем полагает,

что картина цела,

цела картина! –

в запаснике стоит

лицом к стене...

Борис Заборов, вдохновленный хорошим поэтическим осмыслением времени, проникшийся «историей Наума Кислика», напомнил нам о Витебске и витебских художниках, напомнил о Шагале и Пэне...

Уже перелистав и прочитав «Сентябрьскую РЕКУ», я едва ли не случайно заглянул в «витебский дневник» Давида Симановича, а точнее – в его книгу «Витебский вокзал, или Вечерние прогулки через годы». И там не единожды «повстречался» с Борисом Заборовым, который и его, Давида Симановича, оформил две книги поэзии.

Читаю у Симановича запись от 14 января 1966 года: «Вышел роскошный том Марины Цветаевой в “Библи. поэта”. Обдарил им Яшу, Рема, Борю Заборова». 30 марта 1978 года: «В книготорге – “Встречные поезда”. В оформлении Бориса Заборова...»

15 ноября 1979 года: «Вечером – у Рема: Валя Тарас и Реня, Боря Заборов и Ирина, Яков и Ада...». 7 июля 1981 года: «Лева Шульман слушал вчера «Свободу» – интервью Анат. Гладилина с Бор. Заборовым уже из Парижа. Рас-

сказывая о книгах, кот. оформлял с удовольствием, назвал меня (он оформлял “Равноденствие” и “Встречные поезда”)... Лева сказал, что “обалдел”, когда услышал эти слова...»

16 июня 1985 года: «Рано – на Ушачи. Путилковичи. Хата-музей Бровки. <...> Читал: “В старом здании” с посв. Быкову. Василь встал и пожал мне руку. Хорошо с Сергеем Давыдовым (вспомнили Всес. совещ. молодых). С Кисликом – о Заборовое, его выставке в Париже».

12 мая 1991 года: «Прощанье с Парижем. Гранд Опера. С Колбасиным. Он стал объяснять, что я из Витебска и мне нужно обязательно увидеть плафон, расписанный Шагалом. <...> К вечеру – у нас в номере с Колбасиным, Борисом и Ириной. И воспоминания о том, как они уезжали 10 лет назад из Минска. И я им о тех днях: “Как уезжал Борис Заборов навстречу славе и почету, друзья вокруг шептали: «С Богом», враги вокруг шипели: «К черту!»”. Вспомнили с Борисом, как однажды я встретил его в Минске, и он на мой вопрос “что нового?” ответил: “Да вот в двенадцатый раз собираюсь в Париж...” Он оформлял по заказу издательства “Художественная литература” “Семью Тибо” Мартен дю Гара (два тома) и хотел хоть бы взглянуть на Париж. Не выпускали... И взглянул лишь в тринадцатый раз и теперь видит столицу Франции каждый день. Уехал и прижился, и зажил новой жизнью...»

Наум Кислик, Давид Симанович, Борис Заборов... Имена, без которых сложно представить культурную жизнь Минска, Витебска послевоенных десятилетий. Каждый из них как явление. И особой величины среди них – книжный график Борис Заборов.

